

Временная характеристика глобалистики как новое проблемное поле онтологии

Сколяр Юлия Николаевна

E-mail: jskoliar@yandex.ru

Теоретическое мышление, не являющееся в своей основе онтологическим, ни в какой форме не существует и невозможно

Н. Гартман

Одним из важных направлений современной теоретической глобалистики выступает рассмотрение онтологического статуса социального. Глубинные переломы в общественно-научном знании, глобальные изменения в сегодняшнем обществе – открывают новые возможности развития глобалистики как дисциплины, объект которой имеет твёрдый онтологический статус.

Существует несколько подходов, которые, в свою очередь, системно структурированы, и XX век открывает интерес философской проблематики к феномену бытия, пытаясь определить бытие из одного понимания его присутствия. Философские теории М. Хайдеггера, Н. Гартмана, С. Л. Рубинштейна, Н. О. Лосского, Г.-Г. Гадамера, П. Рикёра рассматривают смысл онтологического в социальном пространстве и включают в себя определение онтологического параметра мира, являющемся во времени. Социологизм бытия выступает одним из направлений учения самых ранних авторов и эта теория, есть онтологическое осмысление в исторической мысли, оно представляется как глобальный процесс, и дошло до нас в древнейших источниках, начиная от Соломона, где поднимается вопрос статуса социального бытия.

Глобализация, прежде всего, процесс совершаемый во времени, во всех эпохах, переживаемых человеком и человечеством, возникает вопрос бытия и, связываясь с историческим фоном онтология в теории глобалистики, открывает новое проблемное поле философии. Почему-то, принято считать, что процессы глобализации, заключающиеся в экономической сфере, в научно-познавательной деятельности, в политических и правовых отношениях, в информационных и межкультурных коммуникациях, и возникли в середине XX века. Но, такие особенности исторического развития всегда присутствовали в развитии человечества, глобальные государственные образования, которые приняв в себя разнообразные обычаи, верования, культурные особенности, ставили основной целью создание определённого типа социального бытия, содержащего в себе противоречивые тенденции, которые бы удачно переработались в цельное, не раздробленное единство, и такой процесс, то есть глобализация, совершается во времени. «Социальной системе как устойчивой системе свойственны непрерываемость, потенциальная возможность в любое время в ходе развития вернуться к своему первоначалу, способность к небольшим отклонениям от предыдущего состояния» [2, с. 46]. Подход к проблематике глобальных процессов открывается в усмотрении учёта своего временем, отчего делается возможным раскрытие подручного и наличного встречным во времени. Внутримирное сущее становится, таким образом, доступно как «существующее во времени». Как говорит Мартин Хайдеггер, мы именуем временную определенность внутримирного сущего внутривременностью. Смысл бытия является предметом мысли при определённой бытийственной понятливости, которая, так или иначе, отнесена к устройству присутствия. И эта понятливость, также, может быть интерпретирована, когда сущее уже, так или иначе, интерпретировано. И эта интерпретация достигается при высветлении временности.

Анализ процессов современного общества подводит к проблемам тематического исследования временения как такового, то есть, рассмотрения процесса во времени, где, в

трактовке проблем глобалистики, выводятся не только гносеологические положения глобалистики, не только логика формирования концепций историографического постижения, но и становится онтологическая проблематика глобалистики. Глобальные процессы, выраженные в специфических онтологических основах общества, сущностно существуют в событиях-с-другими, что и определяется историческим путём, который не составляется из отдельных судеб, и понимается не как совместный быт, а как бытие-с-другим. Судьбоносный исторический путь, в своём поколении создаёт новое, собственное онтологическое поле общества. Хайдеггер вводит термин миро-история, обозначающий событие мира. «Исторический мир есть лишь мир внутримирного сущего. «Происходящее» со средством и продуктом как таковым имеет свой характер подвижности. . . Подвижность события, в котором «с ним что-что происходит» известным образом также о «стихийных бедствиях». В проблеме онтологической структуры мироисторического события, мы здесь, не говоря уж о необходимом для этого перешигивании за границы темы, тем менее можем углубиться, что цель данной экспозиции как раз подвести к разгадке онтологической подвижностисобытия вообще» [7, с. 435]. Время существует со встречающимся внутримирным и при нём, и если бытие присутствия не просто налично и подручно, но и основывается на простом «лишь состоит», то все интерпретации видоизменений бытия требует просветлённой идеи бытия, для проведения временного анализа.

Сергей Леонидович Рубинштейн имеет свою концепцию категории времени. В связи с процессом становлением встает проблема времени, которая выражается в отношении прошлого, настоящего и будущего во времени. Современная наука утверждает положение о том, что пространство и время представляют собой формы существования движущейся материи. Различные, качественно определенные ступени развития обладают различными пространственно-временными структурами и различными специфическими свойствами. Свойства времени, такие как неравномерность его течения, неоднородность, независимость от движения материи и пространства, оказываются относительными и, будучи положениям, основанными на данных физики, не могут позволить философии ни остановиться на них, ни их обобщить. «Обобщение же это необходимо ведет к представлению о дальнейших качественных особенностях времени при переходе от движущейся материи в природе к «движению» бытия людей в процессе жизни, в процессе истории. Объективная логика той же мысли с внутренней необходимостью ведет к признанию качественных особенностей времени истории общества и времени жизни людей, зависящих от структурных особенностей этих процессов» [4, с. 325]. Существуют разные восприятия временной длительности одного и того же временного интервала и, с падением представления о едином абсолютном времени механики, возникает представление о качественно различных структурах времени, в зависимости не только от качественных, структурных процессов неорганической природы, где время, приравнивается к механическому движению, у природы органической к жизни, а у человека — это процесс истории. Как пишет В. А. Толочек: «Развитие, поведение, деятельность и жизнь человека есть процесс непрерывного взаимодействия его биологии, психики и социального окружения. В таких воззрениях отражена возможность формирования метаумений, мета-ценностей, особой смысловой сферы у людей зрелого возраста, накопивших и преобразовавших определенный социальный, в частности профессиональный, опыт. В результате уникальной трансформации жизненного опыта могут формироваться мета-способности, переводящие людей в новые отношения с собственной жизнью – из режима жесткого следования предписаниям социума и биологии в режим более свободных и гибких отношений» [5, с. 187]. То, как время «кажется» человеку и является ему в переживании, имеет объективные основания. Читаем в книге «Человек и мир»: ««Кажимость» — это и есть время, являющееся адекватной формой жизни человека, которое неправомерно принимается за время механических процессов в

окружающем мире и химических процессов в собственном организме. Таким образом, кажущимся оно является только по отношению к общепринятому официальному времени, за которое принимается время природы, время механического движения материи. Субъективно переживаемое время — это не столько кажущееся, в переживании якобы неадекватно преломленное время движущейся материи, а относительное время жизни (поведения) данной системы — человека, вполне объективно отражающее план жизни данного человека. В концепции времени отражается теория детерминации процесса» [4, с. 325]. Время жизни субъекта, его поведения, переживания, конечно, «субъективно», но только в смысле связи с формой жизни субъекта, которая представляет объективный процесс, но не субъективно в смысле одной только кажимости. Понятие времени в истории философии становится в двух его аспектах: как исчезновение, бренность, неустойчивость, ненадежность, разрушение — «все преходяще» и как непрерывное обновление, рождение нового, развитие, прогресс, совершенствование, открытие пути для нового, становящегося. Отсюда два понимания явлений и два отношения к жизни: перенесение центра тяжести в трансцендентный, потусторонний мир и перенесение центра тяжести в посюсторонний мир как сферу чувственности. Если кажимость обладает временем, то она обладает сущим. В трудах С. Л. Рубинштейна и его последователей, применимо в проблемам социального бытия выводятся два содержательных уровня отношения человека и мира: как бытие, преобразующее реальность и как бытие, переходящее в форму идеального. В первом случае бытие есть действующее, преобразующее. Второй способ — посредством осознания бытия осуществляется как бы переход из «вещи в себе» в «вещь для нас». Идеальное, бесконечное бытие, Божественное, включается в конечное, в человека, а «реально конечное включается в бесконечное» [4, с. 358].

Когда происходит становление бытия, разрушение старого, бренного и рождение нового необходимо включает вопрос о его изменении, а следовательно, об активности человека, которая не является субъективным произволом, а выступает как объективная, глобальная во времени закономерность. Абсолютизация человеческого существования утверждает его примата снимает детерминацию, связь с прошлым. Человек выступает исходным и оказывается не только началом, но и концом, не имея возможности выйти в сферу целого. Утверждение бытия как становления, константно осуществляемого во времени, создаёт онтологическую основу человеческой активности, возможности включения в изменение бытия.

Рубинштейн четко обозначил гносеологическое основание как преобладание отношения «бытие-сознание» и онтологическое основание как превалирование отношения «человек-бытие».

Важные взаимодействия XX века поставили вопрос о процессах становления такого целостного и взаимосвязанного мира, которое может быть основано на единстве духовных начал. Как пишет Т. Л. Шестова: «центральной темой социальной онтофилософии XX века должна стать сфера социального духа» [8, с. 135]. Общечеловеческие ценности, закон совести — есть непреходящая ценность любой культуры. Историологизация человеческого бытия всегда ставит его социальную проблематику, как некий константный элемент, который в теоретической глобалистике выступает одним из системных параметров. «Процессы, происходящие в духовном измерении мировой цивилизации, становятся важнейшим фактором разрешения глобальных проблем современности» [6, с. 116]. Решающим фактором становления глобальной цивилизации становится единая духовная природа человека.

Глобальная онтология, так или иначе, ставит вопрос о человеке, переходя сквозь исторические периоды развития, определяя различные акценты, но имеющие решающее выводящее бытие, и это является константно для любой единицы, указывая, что значение бытия этой единицы не менее значимо, чем значение бытия общего. В концепции гло-

бальной онтологии, бытие не смешивается с определенной категорией бытия, не приравнивается к тотальности, не приравнивается к единству, определенности, устойчивости. Часть является сущей ничуть не менее, чем целое, индивид — чем общность, член — чем система. Хайдеггер разделяет собственную и несобственную историчность, в несобственной историчности присутствие актуализирует свое «сегодня», ожидает ближайших новинок и забыло старое, люди уклоняются от выбора, поддерживают только остаточное «действительное» бывшего миро-историчного, рудименты и наличные свидетельства о них, теряются в актуализации и понимают «прошлое» из «актуальности». Временность собственной историчности есть прекращение актуализации «сегодня». Для собственной историчности понимание истории это возвращение возможного. Для Хайдеггера, онтологический генезис историографии как науки становится из историчности присутствия и служит прояснению задачи историографической деструкции истории философии.

Такое положение даёт возможность получения знания в отношении человека и окружающего мира, бытия человека, общества, бытия природы и техники. Глобальная онтологическая постановка вопроса возникает в процессе взаимодействия субъекта и объективного мира. Как пишет Рубинштейн «... сознание всегда есть осознание чего-то, что находится вне его» [3, с. 69]. Общественная жизнь есть способ существования человека, а человек существует как природное существо. Сама природа не сводима к субъекту физических процессов, по отношению к природе, также, вводится понятие способа существования, способа бытия. Понятие способа существования, необходимо вводится и определяется каждый раз, на каждом уровне субъекта-природы определяется способ существования. Бытие природы — необходимый элемент всей мыслительной конструкции бытия. И это мы узнаём во всех творениях великих авторов. Одной из насущных проблем современного человечества является проблема сохранения природы и проблема отношения человека к природе, как к среде обитания. Необходимым философским требованием выступает само определение бытийственного статуса природы. «При таком обобщении способа существования возникают два вопроса: что есть природа в аспекте сущности (протяженность, движение и т. д., ее *Wasbestimmtheit*, *quidditas*) и что есть природа в аспекте бытия — это вопрос о способе существования природы. Если отождествлять сущность человека с его существованием, отождествлять сущность со способом существования, то тот же ход возможен в отношении природы. К тому же положение о бытии как бытии вне себя, выходе за свои пределы и нахождении «в другом» или «при другом» в той или иной мере присуще всему. Есть целая иерархия таких «выходов» за свои пределы в смысле и количества и качества, но по одному признаку выхода за свои пределы, нахождения вне себя (перед собой) нельзя отделить *Da-Sein* от всякого иного *Sein*. Пространство и время есть «формы существования» сущего. Это значит, что они должны выражать структуры, формы, способы связи существующего и, значит, быть зависимыми от этого последнего. (В этом, в частности, заключается материалистическая тенденция теории относительности.) Но отсюда напрашивается, по крайней мере, как правдоподобный, если не как необходимый, вывод, что, например, время истории и человеческой жизни не просто и непосредственно совпадают со временем движения материи. Встает, таким образом, задача дифференциации категорий пространства и времени применительно к разным сферам сущего, разным способам существования. Таким образом, вопрос о становлении бытия — это в основном вопрос о становлении новых уровней бытия, новых способов существования, каждый из которых характеризуется по-разному в пространстве, во времени и т. д. Одним из таких уровней и является природа» [4, с. 314].

Важность значения онтологии становится ещё и потому, что исследования мыслителей долгое время переживали состояние деонтологизации, под которым понимается «... переключение внимания обществоведов с изучения наиболее общих форм существо-

вания социальной реальности на социально-философские проблемы гносеологического, этического, эстетического, аксиологического порядка, на проблемы методологии социальных наук» [8, с. 130]. Важно утверждение Н. Гартмана: «Теоретическое мышление, не являющееся в своей основе онтологическим, ни в какой форме не существует и невозможно. По-видимому, в том состоит сущность мышления, что оно может мыслить лишь «нечто», а не «ничто». Так говорил еще Парменид. Однако «нечто» всегда выступает с бытийственной претензией и порождает вопрос о бытии» [1, с. 84].

Таким образом, элементами глобальной онтологии выступают бытие природы, бытие техники и бытие общества. К осмыслению таких проблем глобалистики приложима стратегия системного метода. «Речь идет не только о том, по направлению к чему мы развиваемся, но еще более о том, движутся ли вообще народы к некоей фиксируемой цели, или, в отсутствие таковой, отданы на произвол «случайности» и последовательности причин» [1, с. 120]. Это основополагающее знание субъекта современного общества.

Библиографический список

1. Гартман, Н. К основоположению онтологии / Николай Гартман. – СПб.: Наука, 2003. – 640 с.
2. Майкова В.П., Молчан Э.М. Духовность как фактор устойчивости социальных систем / В. Майкова, Э. Молчан // Вестник МГОУ. – Из-во МГОУ. – 2017. – № 1. С. 46-54.
3. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание / Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание / Сергей Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2012. – 288 с.
4. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир / Сергей Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2003. – 512 с.
5. Толочек, В. А. Социализация в квадрате: гетерохронность и нелинейная динамика профессионального становления субъекта в социономических профессиях / В. А. Толочек // Психология человека в современном мире. – М. Из-во «Институт психологии РАН». – 2009. - № 3. С. 185 – 193.
6. Фалько, В. И. Духовное измерение глобалистики / В. И. Фалько // Основные направления гуманитаризации в техническом вузе / Науч. Тр. Вып. 328 – М. – МГУЛ, 2004 С. 115 – 122.
7. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; Пер. с нем. В.В. Бибихина. — Харьков: «Фолио», 2003. — 503, [9] с.
8. Шестова, Т. Л. О категории «социально» в современной философской литературе / Т. Л. Шестова // Лесной Вестник. – М. Из-во МГУЛ. – 2003. - № 4(29). С. 130 – 137.